

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-302-316>

EDN: QBJSSA

Research Article / Научная статья

Понятие социокультурного кода в контексте дискурса о национальной безопасности

А.А. Лагунов , С.Ю. Иванова

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

 emailag@mail.ru

Аннотация. В исследовании анализируется понятие социокультурного кода, имеющее недостаточную определенность в современном социально-гуманитарном знании. Предлагается авторская интерпретация этого понятия, опирающаяся на методологию философского персонализма, представляющего личность в качестве источника относительно свободной и творческой духовно-практической деятельности, продуктом которой становится культура, в свою очередь оказывающая существенное влияние на становление личности. Аргументируется целесообразность понимания социокультурного кода в качестве совокупности мировоззренческих констант, как осознаваемых личностями, так и подсознательных. Уточняется соотношение понятия социокультурного кода с такими уже ставшими традиционными для социальной философии понятиями как «общественное сознание», «мировоззрение», «менталитет». Авторы приходят к выводу о том, что понятие социокультурного кода по своему объему является промежуточным между менталитетом и общественным мировоззрением: оно шире первого, но уже второго, поскольку общественное мировоззрение может включать в себя и не константные элементы, быстро трансформирующиеся или даже исчезающие в социально-историческом времени. Отмечается, что понятие социокультурного (культурного) кода непосредственно относится к сфере обеспечения национальной безопасности, и на это указывает его использование в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, в которой ему придается преимущественно мировоззренческое значение. Утверждается безосновательность отнесения даже некоторых элементов социокультурного кода к априорным, врожденным качествам представителей той или иной общности, поскольку все его элементы без исключения имеют апостериорный характер, проявляясь как свойства личностей, формирующиеся в процессах их социализации и инкультурации. Признание принципиально апостериорного характера как социокультурного кода, так и общественных менталитета и мировоззрения, по мнению авторов, позволяет нам избавиться от иллюзорного упования на природу вещей и всерьез акцентировать внимание на воспроизводстве культуры как

© Лагунов А.А., Иванова С.Ю., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

важнейшем факторе обеспечения национальной безопасности, которое с необходимостью должно включать в себя помимо мер по укреплению политического и экономического суверенитета также комплекс действий, направленных на поддержание преемственности общественного сознания.

Ключевые слова: личность, персонализм, общественное сознание, мировоззрение, менталитет, традиция, социокультурная преемственность

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Все авторы внесли равный вклад в концепцию, подготовку и написание текста.

История статьи:

Статья поступила 03.12.2024

Статья принята к публикации 06.03.2025

Для цитирования: Лагунов А.А., Иванова С.Ю. Понятие социокультурного кода в контексте дискурса о национальной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 2. С. 302–316. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-302-316>

The Concept of Sociocultural Code in the Context of National Security Discourse

Alexey A. Lagunov , Svetlana Yu. Ivanova

North Caucasian Federal University, Stavropol, Russia

emailag@mail.ru

Abstract. The study analyzes the concept of socio-cultural code, which has insufficient definition in modern social and humanitarian knowledge. The author's interpretation of this concept is offered. It is based on the methodology of philosophical personalism, in which personality is presented as a source of relatively free and creative spiritual and practical activity. The product of this activity is culture, which in turn has a significant impact on the formation of personality. The expediency of understanding the socio-cultural code as a set of worldview constants, both conscious and subconscious, is argued. The relationship of the concept of socio-cultural code with such traditional concepts of social philosophy as “public consciousness”, “worldview”, “mentality” is clarified. The authors come to the conclusion that the concept of socio-cultural code in its scope is intermediate between mentality and public worldview. It is broader than the first, but narrower than the second, since the public worldview may also include non-constant elements that quickly transform or even disappear in socio-historical time. It is noted that the concept of socio-cultural (cultural) code directly relates to the sphere of ensuring national security, and this is indicated by its use in the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025. In the Strategy, it is given a predominantly ideological significance. It is asserted that it is groundless to classify even some elements of the socio-cultural code as a priori, innate qualities of representatives of a particular community. All its elements without exception are of an a posteriori nature, manifesting themselves as properties of individuals that are formed in the processes of their socialization and enculturation. The recognition of the fundamentally a posteriori nature of both the socio-

cultural code and public mentality and worldview, according to the authors, allows us to get rid of the illusory reliance on the nature of things and seriously focus attention on the reproduction of culture as the most important factor in ensuring national security. In addition to measures to strengthen political and economic sovereignty, it must necessarily include a set of actions aimed at maintaining the continuity of public consciousness.

Keywords: personality, personalism, public consciousness, worldview, mentality, tradition, socio-cultural continuity

Conflict of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Contribution of authors. All the authors contributed equally to the conception, preparation and writing of the manuscript.

Article history:

The article was submitted on 03.12.2024

The article was accepted on 06.03.2025

For citation: Lagunov AA, Ivanova SYu. The Concept of Sociocultural Code in the Context of National Security Discourse. *RUDN Journal of Philosophy*. 2025;29(2):302–316. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-2-302-316>

«Современное российское общество объединяет единый культурный (цивилизационный) код, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации и в котором заключены такие основополагающие общечеловеческие принципы, как уважение самобытных традиций народов, населяющих Российскую Федерацию, и интегрирование их лучших достижений в единую российскую культуру»¹.

Введение

Понятие социокультурного кода относительно редко используется в социальной философии, однако применение обозначающего его термина в политическом лексиконе современности встречается довольно часто. Достаточно указать на то, что, во внесенной в 2018 г. поправке к принятому в 2012 г. Указу Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» говорится о едином для российского общества культурном (цивилизационном) коде. Между тем само это понятие остается и сегодня не вполне проясненным, «размытым», в то время как в соответствии с классическими канонами научный термин «призван быть четким и однозначным (то есть моносемантическим)» [1. С. 7]. К тому же множественность определений понятия

¹ Указ Президента Российской Федерации «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666». Режим доступа: <https://www.law.ru/npd/doc/docid/551832267/modid/99> (дата обращения: 15.11.2024).

социокультурного (культурного) кода не позволяет широко использовать его в документах федерального значения, также требующих и четкости формулировок, и однозначности восприятия изложенных в них суждений.

Авторы статьи вполне отдают себе отчет в том, что однозначность определений многоаспектных феноменов остается в социально-философском знании недостижимым идеалом, и связано это с той закономерностью, о которой еще в позапрошлом столетии писал британский логик и историк науки Уильям Уэвелль: «Раскрытие наших понятий при помощи определения оказывалось полезным для науки только тогда, когда оно было связано с немедленным применением этих определений... Определение представляет, быть может, лучший способ разъяснения понятия; но понятие становится стоящим какого бы то ни было вообще определения только вследствие его пригодности для выражения той или другой истины» [2. С. 195].

Иначе говоря, определение понятия находится в прямой зависимости от того контекста, в котором оно будет применяться, контекста, для последующего раскрытия которого это понятие, собственно, и проясняется. Целью настоящего исследования является проведение предварительной работы по уточнению соотношений между новым понятием социокультурного кода и такими уже устоявшимися в социальной философии понятиями как «общественное сознание», «мировоззрение», «менталитет» – для того чтобы лучше понять факторы, влияющие на становление и изменение социокультурного кода, и хотя бы приблизительно прояснить возможности, открывающиеся при встраивании данного понятия в контекст современного дискурса о национальной безопасности. Для достижения поставленной цели авторы предполагают опираться на персоналистский философско-методологический подход.

Личность и мировоззрение

Несмотря на многообразие концепций, реализующихся при использовании персоналистского подхода, общим местом в них является утверждение личности в качестве источника относительно свободной (а значит – творческой) духовно-практической деятельности, продуктом которой становится культура (в широком смысле этого слова, включающем в том числе и социально-политические институты), в свою очередь оказывающая существенное влияние на становление личности. Личность и общество в персонализме взаимно обуславливают друг друга: личность не может быть сформирована вне общества, которое, в свою очередь, немислимо без личностей; только объединяясь, конкретные личности выступают в качестве акторов специфических культур как продуктов совместной деятельности поколений, связанных между собой традицией. Эти культуры не могут не быть особенными, поскольку в процессе развития на них влияет множество внешних факторов – как природных (географических, климатических), так и обуславливающих контактами с окружающими культурами; помимо того, весьма способствуют

проявлению самобытности культур факторы внутренние, прежде всего – качественная неодинаковость личностей, при их социально-историческом взаимодействии приводящая к существенным различиям во всех сферах общественной жизнедеятельности.

Хорошей иллюстрацией к кратко очерченному выше постулату персонализма служит следующая фраза прот. Г. Флоровского: «...история в существе своем есть история людей в их творческом взаимообщении и взаимодействии» [3. С. 11]. Ровно о том же самом пишет и С.С. Аверинцев: «Нет человека вне истории, но история реальна только в человеке» [4. С. 7]. Вполне допустимо расширительное применение ко всему философскому персонализму характеристики В.Н. Белова, данной им творчеству М.М. Бахтина и М.К. Мамардашвили: представителей данного направления «роднит отношение к личности не как к клеточке великого организма, обязанной исполнять определенную функцию, не как к винтику общественного механизма, но как к самодостаточной величине, форме совершенства человека, ответственной за свои поступки и только в этой самоответственности отвечающей за судьбы всей человеческой цивилизации» [5. С. 513].

В рамках персоналистского философско-методологического подхода необычайно востребованным становится понятие общественного сознания (о котором писали еще классики марксизма: «...общественное сознание всех веков, несмотря на все разнообразие и все различия, движется в определенных формах...» [6]). Действительно, если историю делают люди, а каждая личность является «исторической» вследствие того, что мы не можем точно предвидеть всех результатов ее деятельности, более того, часто их просто не замечаем («эффект бабочки»), то для осмысления общественно-исторического процесса и осуществления социального прогнозирования целесообразно прибегнуть к абстракции высокого уровня: от личностного сознания логически перейти к сознанию общественному, понимая под последним некий интеграл сознаний неисчислимого множества личностей из настоящего и прошлого, связанных между собой как традицией, так и непосредственными коммуникациями. Анализируя проявления общественного сознания в тех или иных его формах, а также прослеживая их происходящие во времени модификации, можно получить вполне адекватные представления о ходе и направленности социально-исторического процесса, тем самым формируя соответствующую мировоззренческим установкам философию истории.

Упомянув о мировоззренческих установках, различающихся, конечно, у тех или иных мыслителей, мы вплотную подошли к ответу на вопрос о том, почему историю нельзя считать строгой, доказательной и однозначно интерпретируемой наукой. На наш взгляд, с определением понятия мировоззрения дело обстоит гораздо сложнее, чем с дефинированием понятия общественного сознания. Возникающие при осмыслении последнего затруднения вполне преодолимы путем введения в «устоявшуюся» картину мира

ученого новых представлений о «субъективно-объективных», или же «реифицированных» феноменах; мировоззрение же является не чем иным, как совокупностью всех элементов самой картины мира, относительно целостной и вместе с тем изменчивой вследствие подмеченного уже Сократом когнитивного принципа о неудовлетворительности наших мнений о мире, требующей постоянного и никогда не завершающегося движения к Истине. К тому же мы необычайно усложняем и без того непростую проблему, когда пытаемся от понятия личностного мировоззрения перейти к понятию мировоззрения общественного, между тем сама логика персоналистского подхода требует этого от нас, ведь именно общественное мировоззрение становится тем маркером, с помощью которого мы разделяем исторические эпохи, фиксируя при этом необратимые качественные изменения в общественной жизни.

Для проведения интерпретации понятия мировоззрения считаем целесообразным обратиться к осуществленной В.И. Несмеловым дистинкции таких понятий, как мирозерцание и мировоззрение. Русский философ полагал, что содержательным продуктом мирозерцания конкретной личности становится «возможно полное и возможно точное *представление цельной картины мира*, каким он существует для человека по данным чувственного опыта или по выводам научного мышления». В отличие от него мировоззрение «заключается в определении человеком *своего назначения в мире* и своих *должных отношений к миру*». Если мирозерцание далеко не всегда предполагает наличие у личности определенного «взгляда на мир», то и мировоззрение совсем не обязательно должно включать в себя знания о точном физическом устройстве мира, поэтому качество мирозерцания определяется суммой положительного знания конкретной личности о мире, «мировоззрение же создается и может создаваться одною только философией» [7. С. 282], предписывающей отношение к миру, исходящее из представлений о долге и предназначении человека. Таким образом мы можем констатировать различие понятий картины мира (результата мирозерцания) и мировоззрения (мироотношения, обусловленного убежденностью в определенных онтогносеологических и этических «аксиомах», не требующих доказательств – не потому, что вследствие очевидности они в них не нуждаются, а потому, что, как и всякие аксиомы, не могут быть доказаны по причине ограниченности когнитивных возможностей человека). Это снимает тавтологию, возникающую при определении мировоззрения через «картину мира»: вторая теперь только опосредует первое, да и то в разной степени интенсивности у каждой конкретной личности.

Т.И. Ойзерман в своем определении мировоззрения также акцентирует внимание на убеждениях: это «система человеческих знаний о мире и о месте человека в мире, выраженная в аксиологических установках личности и социальной группы, в убеждениях относительно сущности природного и социального мира». Он пишет, что убеждения, из которых складываются ми-

ровоззрения, «могут быть истинными или же, напротив, мнимыми: научными, религиозными, нравственными, обоснованными и необоснованными, прогрессивными и реакционными и т.д.» [8. С. 578]. Убеждения отражают активную позицию личности и характеризуются, в первую очередь, «той энергией, настойчивостью, решительностью, с которыми они высказываются, обосновываются, защищаются, противопоставляются другим убеждениям» [8. С. 579].

Обратим внимание на то, что философ объединяет в одной дефиниции личное и общественное (социально-групповое) мировоззрения, и это вполне оправдано вследствие упомянутого выше отношения взаимной обусловленности между личностью и обществом. Однако если мы все же захотим разделить понятия, то по аналогии с общественным сознанием под общественным мировоззрением должны мыслить некую целостность, интеграл личностных мировоззрений; сюда попадают далеко не все аксиологические установки, убеждения и другие мировоззренческие компоненты, свойственные личностям, составляющим общность, а только те, которые наиболее характерны для большинства ее представителей.

Социокультурный код как совокупность мировоззренческих констант

Рассмотрение понятия мировоззрения в рамках данного исследования понадобилось нам потому, что в вынесенной в эпиграф статьи цитате, взятой из текста поправки к Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, смысловое значение используемому термину «российский культурный (цивилизационный) код» придается явно мировоззренческое: он фундирован преемственным историческим развитием как русских культуры и языка, так и культур входящих в Российскую Федерацию народов; в нем заключены основополагающие общечеловеческие принципы, из которых выделяются такие как уважение самобытных культур и их интегрирование в единую культуру (в общем же – утверждается принцип «единства в многообразии», характерный для отечественных концепций соборности, при этом обратим особое внимание на то, что принцип этот причислен к общечеловеческим, стало быть, имплицитно предполагается, что он может быть применен для осмысления модели многополярного мира).

Обратимся к тому контексту, в который была внесена данная поправка к Стратегии. Пункт 11 относится к разделу I «Общие положения», в п. 1 которого специально оговаривается, что: «Настоящая Стратегия является документом стратегического планирования в сфере национальной безопасности Российской Федерации, определяющим приоритеты, цели, принципы, задачи, основные направления государственной национальной политики Российской Федерации, а также инструменты и механизмы ее реализации». Собственно же п. 11 характеризует российское государство как такое единение народов,

системообразующим звеном в котором исторически являлся русский народ, игравший объединяющую роль и способствовавший формированию уникального культурного многообразия и духовной общности многих народов, приверженных единым принципам и ценностям. Это привело к тому, что сегодня «Общероссийская гражданская идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию»². И далее следует уже процитированный нами текст, прямо относящийся к российскому культурному (цивилизационному) коду.

Из изложенного можно сделать однозначный вывод: понятие социокультурного (культурного) кода непосредственно относится к сфере обеспечения национальной безопасности и достаточно давно используется в документах федерального уровня, что делает прояснение этого понятия задачей первостепенной важности для современной социально-политической философии. Между тем, как отмечалось нами выше, задача эта еще не решена вполне, чему мешает ряд существенных расхождений у исследователей в содержательном понимании социокультурного кода, и это неизбежно вследствие того, что дефиниция всякого многоаспектного понятия зависит как от того контекста, к раскрытию которого оно призвано, так и от мировоззрения самого мыслителя, осуществляющего содержательную формулировку понятия. Но ведь сегодня речь идет о необходимости выработки приемлемых для современного российского общественного сознания идеологических ориентиров, а это возможно лишь при уяснении инвариантных характеристик общественного мировоззрения, реифицированным «носителем» которого является общественное сознание. Значит, проблема состоит в том, чтобы наиболее адекватным образом описать это общественное мировоззрение, выявить его особенности, и именно достижению этой цели и может хорошо послужить, на наш взгляд, понятие социокультурного кода (заметим, что добавление к термину, обозначающему это понятие, слова «социо-», отсутствующего в рассматриваемой нами Стратегии, уместно для того чтобы подчеркнуть взаимную обусловленность социального и культурного в нашей жизни, хотя, согласимся, культурное в широком, философском смысле полностью включает в себя социальное). Ведь социокультурный код, как представляется, и есть та искомая совокупность мировоззренческих констант (или инвариант), присутствующая в общественном сознании в конкретный момент социальной истории и отображающаяся в общественном мировоззрении (нужно сказать, что речь здесь следует вести об относительной константности хотя бы по причине отсутствия абсолютного постоянства в нашей действительности: мировоззренческие константы, конечно, модифицируются в социально-историческом времени, но не трансформируются, если под

² Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Режим доступа: <https://www.law.ru/npd/doc/docid/902387360/modid/99?anchor=XA00M2U2M0#XA00M2U2M0> (дата обращения: 18.11.2024).

трансформацией понимать их кардинальные, существенные изменения, влияющие на качественные признаки).

Обратим внимание на негативную информационно-технологическую коннотацию, которая может возникнуть при употреблении понятия социокультурного кода вследствие использования в обозначающем его термине слова «код». Действительно, как писал М.М. Бахтин: «Код – только техническое средство информации, он не имеет познавательного творческого значения. Код – нарочито установленный, умерщвленный контекст» [9. С. 352]. Кодирование в современном словоупотреблении тесно переплелось с информационными технологиями, и попытка применения связанных с ним понятий для объяснения социальной действительности может быть воспринята как интерпретация общественных отношений, проводимая «в грубом механистическом ключе» и осмысливающая человека «как набор сенсоров, связанных через системы кодировки электро-импульсных передач с мозгом с целью последующей генерации и обработки информационно-коммутативных процессов» [10. С. 758]. Но ведь подобной коннотации можно и избежать, обратившись к этимологии слова «код», происходящего от латинского «кодекс», обозначавшего свод законов, правил, норм общежития, а еще раньше – доску или табличку, на которой этот свод записывался. Тогда в нашем несравненно более сложном случае в роли «писцов» будут выступать социально-активные, творческие личности, запечатлевающие «на доске» (в общественном сознании) определенные «знаки» (тот самый социокультурный код, или совокупность мировоззренческих констант), преемственно передающиеся от поколения к поколению, дополняясь и видоизменяясь при этом.

Социокультурный код, таким образом, вполне можно мыслить «как сложившееся в коллективном сознании представление о фиксированном наборе национальных культурных ценностей и смыслов, поведенческих стереотипов, традиций и обычаев в историческом контексте, которые передаются из поколения в поколение и регулируют повседневное взаимодействие людей друг с другом и которые являются маркерами в определении национальной идентичности социума с позиции внешнего наблюдателя» [1. С. 11]. Авторы приведенного определения настаивают на необходимости для дифференциации культурного кода наличия внешнего наблюдателя, являющегося носителем другой этнокультуры и «декодирующего», или же интерпретирующего транслируемую в этом коде информацию. Однако думается, что в качестве интерпретатора совсем не обязательно должен выступать носитель другой культуры, поскольку таковым может быть и принадлежащий к данной культуре исследователь, хотя момент сравнения различных культур для выявления присущих им особенностей социокультурного кода, безусловно, значим и для него.

Социокультурный код и национальная безопасность

Иногда в исследовательской литературе встречаются попытки недопустимого, по нашему мнению, сближения понятий менталитета и социокультурного кода, вплоть до их отождествления [11. С. 60]. В таком аспекте может возникнуть сомнение в необходимости терминологического дублирования одного и того же понятия. В этой связи целесообразным будет рассмотрение того, что же чаще всего понимается под менталитетом, дефиниции которого также отличаются многообразием. В самом общем смысле под общественным менталитетом обычно мыслят свойственную представителям той или иной общности совокупность подсознательных стереотипов мышления и связанного с ним поведения. Подчеркнем большую достоверность представления о стереотипах как именно о подсознательных, а не бессознательных элементах менталитета, что было характерно, к примеру, для концепции архетипов «коллективного бессознательного» К.-Г. Юнга, ведь по логике словоупотребления бессознательное не должно иметь к сознанию никакого отношения; вместе с С.Л. Франком и «со многими современными авторами мы предпочитаем говорить о „подсознательном“ вместо „бессознательного“... подсознательное есть для нас лишь *бесконечно мало сознаваемое*, предел ослабления сознания-переживания», однако при этом все же «необходимо помнить об общем законе душевной жизни, по которому количественное различие есть вместе с тем и *качественное*, следовательно, признать, что такое понимание подсознательного ничуть не мешает нам говорить о нем как об особом, своеобразном типе душевных явлений» [12. С. 751]. Или, по-другому и проще: носителем общественного менталитета является ведь именно общественное сознание как интеграл сознаний личностных, а не общественное бессознательное.

Что касается осмысления способов формирования элементов определенного менталитета как органической системы, то в современных теориях менталитета наряду с общепризнанным мнением об апостериорном характере образования этих элементов можно встретить также утверждение об априорности некоторых из них. Так, Н.Н. Губанов определяет менталитет как возникшую «на основе генотипа под влиянием природной и социальной среды и в результате собственного духовного творчества субъекта» систему «качественных и количественных социально-психологических особенностей человека или социальной общности» [13]. Однако, по нашему мнению, нет никаких оснований для того, чтобы относить элементы менталитета к априорным, врожденным качествам представителей общности, напротив, многочисленные случаи нахождения настоящих, а не кипплинговских сказочных «маугли», а также зафиксированные результаты воспитания младенцев в иноэтничных семьях свидетельствуют о том, что те элементы, которые мы относим к системе общественного менталитета, без всяких исключений являются апостериорными, сформированными в процессе воспитания и образования личностей. Здесь оказывается весьма уместным философское разведение

понятий качества и свойства, согласно которому качества присущи «данной вещи как ее отличительная, только ей свойственная особенность, выделяющая ее из всех других вещей», оно «не может быть от нее отнято. Отнять у вещи ее качество – значит уничтожить саму эту вещь, превратить ее в другую» [14. С. 89]. Свойства же преходящи, они могут быть у данной вещи, а могут и исчезнуть, оставляя при этом вещь самой собой. Применение данной дистинкции к такому сложному реифицированному образованию, как общественный менталитет, позволяет констатировать, что к его элементам «следует относить не качества представителей тех или иных общностей, а их свойства, приобретаемые в результате социализации и инкультурации» [15. С. 924].

Переходя к рассмотрению соотношения понятий менталитета и социокультурного кода, не будем забывать, что в состав менталитета входят только не осознанные, точнее – подсознательные, или бесконечно мало сознаваемые свойства, в то время как в социокультурный код могут входить и отрефлексированные мировоззренческие константы, которым личность следует продуманно. К примеру, человек может проявлять чувство гостеприимства и делиться с гостем чем-то очень ценным для него просто так, «по велению души», и тогда мы вправе говорить о сформированном у него соответствующем элементе этнического менталитета; а может делать то же самое, но испытывая при этом рациональные сомнения: тогда допустимо утверждать, что он в своих действиях, осуществляя сознательный выбор, следует мировоззренческим константам этнического социокультурного кода. Отметим, что в связи с многогранностью человеческой личности речь в данном случае может идти и о проявлении априорного личностного качества, того одного из многих «талантов» личности, которые она в своей жизнедеятельности или скрывает «в земле», или реализует «с прибылью» (Матф. 25:25–27). Социокультурный код, на наш взгляд – понятие, по своему объему промежуточное между менталитетом и общественным мировоззрением: оно шире первого, но уже второго, поскольку конкретное общественное мировоззрение, кристаллизирующееся в определенном общественном сознании, может включать в себя и не константные элементы, быстро трансформирующиеся или даже исчезающие в социально-историческом времени. Иначе, понятие общественного мировоззрения включает в себя понятие социокультурного кода, которое, в свою очередь, полностью охватывает понятие менталитета, дополняя его при этом.

Признание принципиально апостериорного характера как общественных менталитета и мировоззрения, так и социокультурного кода, позволяет нам избавиться от иллюзорного упования на природу вещей и всерьез акцентировать внимание на воспроизводстве культуры как важнейшем факторе обеспечения национальной безопасности. К.Х. Момджян справедливо отмечает, что складывавшуюся в определенных исторических условиях российскую культуру следует рассматривать в качестве информационного механизма и

результата практической адаптации множества личностей к этим условиям, при этом у нас нет никаких оснований отрицать тот факт, что «стереотипы мышления и чувствования, возникающие как ментальная реакция людей на особенности их исторического бытия, способны обретать феноменальную устойчивость духовной традиции и оказывать обратное влияние на историческую практику». Под самобытностью культуры он предлагает понимать «не сумму особенностей экономической, социально-политической и духовной организации общества, но способность последнего воспроизводить эти отличия в меняющихся условиях среды. Самобытность представляет собой некий синтез структурной инвариантности и динамической эквивиальности» [16. С. 14], и именно поэтому, обращаясь к временам Бориса Годунова и Бориса Ельцина, мы должны говорить не о двух разных обществах, а о различающихся исторических состояниях одного и того же общества, из века в век сталкивающегося с одинаковыми проблемами и пытающегося решать их схожим образом.

Из всего вышеизложенного следует, что государственная политика по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации с необходимостью должна включать в себя помимо первоочередных действий по укреплению политического и экономического суверенитета также комплекс мероприятий, направленных на поддержание преемственности общественного сознания. Среди особенно важных из них следует упомянуть меры:

- по сохранению богатства русского языка, дающего возможность осуществления эффективной коммуникации в полиэтническом российском пространстве и способствующего трансляции духовно-практического опыта во времени, от поколения к поколению;

- по совершенствованию воспитательно-образовательного процесса, в котором (и только в котором) воспроизводятся результаты социокультурной деятельности и формируются личности, *у-сваивающие* мировоззренческие константы социокультурного кода, преемственно принимающие общественное мировоззрение и развивающие его;

- по предотвращению дальнейшего размывания свойств общественного менталитета, шире – компонентов социокультурного кода, размывания, происходящего, прежде всего, под влиянием процессов индивидуализации общественного сознания, для чего в этом сознании должен целенаправленно поддерживаться баланс между индивидуальным и коллективным (в аспекте персоналистского подхода между индивидуальным и коллективным постулируется отношение взаимной обусловленности, а не отношение превалирования одного над другим: личность невозможна без общества, но верно и обратное утверждение).

Заключение

Таким образом, мы попытались аргументировать не только уместность понятия социокультурного кода в современной социально-философской

мысли, но и возможность достижения научного консенсуса по поводу формулировки не сильно расходящихся между собой его определений, используемых в контексте дискурса о национальной безопасности, – если, конечно, исследователи будут исходить из представлений о свободной и творческой личности, обуславливающей специфику общественной жизни и, в свою очередь, обуславливаемой ею, а такие представления, согласимся, сегодня являются доминирующими.

Предлагаемое в статье понимание социокультурного кода в качестве совокупности мировоззренческих констант, как представляется, позволяет, с одной стороны, избежать его полного отождествления с общественным менталитетом, с другой же – расширить содержательное поле понятия социокультурного кода, включив в него наряду с глубинно-психическими, или подсознательными элементами (стереотипы менталитета) также вполне осмысленные, сознательно принимаемые личностями мировоззренческие инварианты, обуславливающие их деятельность.

Дискурс о национальной безопасности, по нашему мнению, с необходимостью должен включать в себя вопросы о сохранении преемственности социокультурных кодов в социально-исторической перспективе, ведь эта преемственность позволяет народам оставаться самими собой, несмотря на происходящие политические и технологические трансформации мировых обществ; при этом необычайно важно понимать, что социокультурные коды не заложены в представителей того или иного общества от природы, по факту их рождения в соответствующих культурах, они могут воспроизводиться только в результате трудных, долгих, затратных воспитательно-образовательных процессов, организация и финансирование которых должны вноситься в государственную повестку дня в качестве одного из главных ее пунктов, безотносительно к географическому месту и историческому времени.

Список литературы

- [1] Батыршин Р.И., Гуревич Л.С. Феноменологические аспекты понятий «национальная культурная идентичность» и «культурный код нации» // Теория и история культуры, искусства. 2024. № 1(92). С. 7–18. DOI: 10.24412/2070-075X-2024-1-7-18 EDN: HRROZY
- [2] Флоренский П. Имена: Сочинения. М. : Эксмо, 2006.
- [3] Флоровский Г., *прот.* Свидетельство Истины. Сборник статей. СПб. : Духовное наследие, 2017.
- [4] Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М. : Coda, 1997. EDN: YOMBQF
- [5] Белов В.Н. Очерки по истории русской философии: монография. М. : РУДН, Директ-медиа, 2021. EDN: RGOBAD
- [6] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. Режим доступа: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm> (дата обращения: 03.11.2024).
- [7] Несмелов В.И. Наука о человеке. Т. 1. СПб. : Издание центра изучения, охраны и реставрации наследия священника Павла Флоренского, 2000.

- [8] Ойзерман Т.И. Мировоззрение // Новая философская энциклопедия: в 4 томах. Т. 2. М. : Мысль, 2010. С. 578–579.
- [9] Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. EDN: VQMUFP
- [10] Барышников П.Н. Разум как машина: влияние механицизма на концептуальные основания компьютерной метафоры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2022. Т. 26. № 4. С. 755–769. DOI: 10.22363/2313-2302-2022-26-4-755-769 EDN: VTPVMJ
- [11] Гревнев В.М. Социокультурные коды как мировоззренческие и ментальные матрицы региональной идентичности // Вестник КемГУКИ. 2017. № 41. С. 58–63.
- [12] Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. Минск : Харвест, М. : АСТ, 2000.
- [13] Губанов Н.Н. Менталитет: сущность, закономерности формирования, развития и функционирования в обществе: автореф. дис. ... д. филос. н.: 09.00.11. М., 2014. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/mentalitet> (дата обращения: 17.09.2024). EDN: ZPMXUJ
- [14] Кедров Б.М. Беседы о диалектике. М. : КомКнига, 2007. EDN: QWOJNZ
- [15] Лагунов А.А., Иванова С.Ю. Философско-методологические проблемы современной нейротеологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 4. С. 915–927. DOI: 10.22363/2313-2302-2023-27-4-915-927 EDN: TMFJOI
- [16] Момджян К.Х. Предисловие // Контуры цивилизационного будущего России: коллективная монография. М. : Fortis Press, 2024.

References

- [1] Batyrshin RI, Gurevich LS. Phenomenological aspects of the concepts of “national cultural identity” and “cultural code of the nation”. *Theory and history of culture, art*. 2024;(1):7–18. (In Russian). DOI: 10.24412/2070-075X-2024-1-7-18 EDN: HRROZY
- [2] Florenskii P. *Names: Works*. Moscow: Eksmo publ.; 2006. (In Russian).
- [3] Florovskii G, prot. *Testimony of Truth. Collection of articles*. Saint Petersburg: Dukhovnoe nasledie publ.; 2017. (In Russian).
- [4] Averintcev SS. *Poetics of Early Byzantine Literature*. Moscow: Coda publ.; 1997. (In Russian). EDN: YOMBFQ
- [5] Belov VN. *Essays on the History of Russian Philosophy: Monograph*. Moscow: RUDN publ.; Direkt-media publ.; 2021. (In Russian). EDN: RGOBAD
- [6] Marks K, Engels F. *Manifesto of the Communist Party*. Available from: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm> (accessed: 03.11.2024). (In Russian).
- [7] Nesmelov VI. *Science of Man*. Vol. 1. Saint Petersburg: Izdanie tcentra izucheniia, okhrany i restavratsii naslediiia sviashchennika Pavla Florenskogo publ.; 2000. (In Russian).
- [8] Oizerman TI. Worldview. In: *New Philosophical Encyclopedia: in 4 volumes*. Vol. 2. Moscow: Mysl' publ.; 2010. P. 578–579. (In Russian).
- [9] Bakhtin MM. *Aesthetics of Verbal Creativity*. Moscow: Iskustvo publ.; 1979. (In Russian). EDN: VQMUFP
- [10] Baryshnikov PN. Mind as a Machine: The Influence of Mechanism on the Conceptual Foundations of Computer Metaphor. *RUDN Journal of Philosophy*. 2022;(4):755–769. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2302-2022-26-4-755-769 EDN: VTPVMJ
- [11] Grevnev VM. Sociocultural codes as ideological and mental matrices of regional identity. *Bulletin of KemGUKI*. 2017;(41):58–63. (In Russian).

- [12] Frank SL. *Subject of knowledge. Human soul*. Minsk : Kharvest publ., Moscow : AST publ.; 2000. (In Russian).
- [13] Gubanov NN. *Mentality: essence, patterns of formation, development and functioning in society*: dissertation abstract for the degree of doctor of philosophical sciences: 09.00.11. Moscow; 2014. Available from: <http://cheloveknauka.com/mentalitet> (accessed: 17.09.2024). (In Russian). EDN: ZPMXUJ
- [14] Kedrov BM. *Conversations about Dialectics*. Moscow: KomKniga publ.; 2007. (In Russian). EDN: QWOJNZ
- [15] Lagunov AA, Ivanova SYu. Philosophical and Methodological Problems of Modern Neurotheology. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;(4):915–927. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2302-2023-27-4-915-927 EDN: TMFJOI
- [16] Momdzhian KKh. Preface. In: *Contours of the Civilizational Future of Russia: a collective monograph*. Moscow: Fortis Press publ.; 2024. P. 12–15. (In Russian).

Сведения об авторах:

Лагунов Алексей Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и этнологии, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет, Российская Федерация, 355017, Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1. ORCID: 0000-0002-8498-6449. SPIN-код: 6484-4800. E-mail: emailag@mail.ru

Иванова Светлана Юрьевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и этнологии, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет, Российская Федерация, 355017, Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1. ORCID: 0000-0003-2375-6348. SPIN-код: 4477-1418. E-mail: isu-socf@yandex.ru

About the authors:

Lagunov Aleksey A. – DSc in Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Ethnology, Humanitarian Institute, North Caucasus Federal University, 1 Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-8498-6449. SPIN-code: 6484-4800. E-mail: emailag@mail.ru

Ivanova Svetlana Yu. – DSc in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Ethnology, Humanitarian Institute, North Caucasian Federal University, 1 Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-2375-6348. SPIN-code: 4477-1418. E-mail: isu-socf@yandex.ru